

ЗИНАИДА ГИППИУС

ВОПРОС

Зинаида Николаевна Гиппиус

Вопрос

Аннотация

«Не у самой саламандры (это не камин!), а чуть поодаль, у круглого столика, сидели две старухи.

Зимний день темен. Старухи и присоединились к окну с вязаньем, хотя от окна дуло. Но не зажигать же с этих пор лампу над обеденным столом. Привычка за эти годы, – мысль о каждом лишнем франке...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Зинаида Гиппиус

Вопрос

I

Не у самой саламандры (это не камин!), а чуть поодаль, у круглого столика, сидели две старухи.

Зимний день темен. Старухи и присоединились к окну с вязаньем, хотя от окна дуло. Но не зажигать же с этих пор лампу над обеденным столом. Привычка за эти годы, – мысль о каждом лишнем франке.

Обеденный стол был тут же, в тесной комнатке. У двери – диван, под серым ковром. В окне, в сером свете, серели крыши.

– Сейчас придет, – сказала первая старуха, – *semaine anglaise*¹ у них.

Другая ничего не ответила. Только вздохнула. Старухи были разные. Одна – прямая, сухая, со строгим, даже высокомерным лицом, с темными волосами, которые лишь на висках отливали серебром. Складки ее черного платья, сильно поношенного, лежали около нее как-то особенно прямо и благородно. Другая, совсем белоголовая, и вся измученная: маленькое желтое личико, чуть согнутые плечи под темной

¹ английская неделя с укороченным рабочим днем в субботу (*фр.*).

шалью.

Они могли казаться одного возраста. Да и какой возраст у старух! Между тем, это мать и дочь; и дочь – вторая, измученная, с седой головой.

Щелкнул ключ в передней. Очень молоденькая, но статная, высокая девушка быстро вошла в комнату, бросила на диван портфель и, не скинув легкого пальто и шапочки, подбежала к старухам:

– Вот оне, mes bonnes mamans!² Да что вы в темноте? Подождите, перецелую вас – и лампу! Нельзя же глазки портить!

Целовала обеих, потом присела на пол около матери, седой Марьи Константиновны.

– Тебе холодно, мама? – болтала она, теребя шаль. – Здесь такая жара! Grand mère³, я не раздеваюсь, побегу сейчас купить что-нибудь к обеду, Владимир сказал, что приедет в семь.

– Суп есть, – сказала бабушка, улыбаясь. Ее лицо потеряло строгость, да и трудно было без ласки смотреть в сияющие Варины глаза.

– Знаю, знаю! И все есть, вы уж, bonne maman, обо всем позаботились, я только за котлетками... Это мама моя рассеянная, ни дней, ни чисел, ни часов не знает, все думает о чем-то, думает... Но пусть, она и так хороша!

² мои добрые мамочки (фр.).

³ бабушка (фр.).

Варя прижалась к матери.

– Ах, как славно, что вы обе со мной! И что мы так и будем всегда вместе. Владимир сам сказал, прежде, чем я рот успела раскрыть, что мы с вами вместе жить будем. Сам понял, что иначе невозможно. Побольше квартиру, теперь их много в Париже... Он уж присмотрел одну, сегодня расскажет.

– Постой, Варя, – проговорила вдруг Марья Константиновна, выпрямившись и глядя в счастливое лицо дочери. – Ну, а если бы Владимир Иванович не согласился?

– Он? – Варя пожала плечами. – Я же тебе говорю, что он сам, сам хочет... Если б нет, это просто был бы не он...

– Да, но ты представь на минуту... Ну, не он, ну, если б ты не его, другого полюбила?

Варя рассмеялась.

– Мама, какие ты пустяки болтаешь! Как это я могла полюбить не его, а другого? Ты меня, просто, не знаешь? Я ни теперь, ни после, никогда уж не могу себе представить, что не люблю Владимира, или что люблю не его. Я такая... старинная, должно быть. Вот *grande* меня, верно, понимает.

– Знавала. А, впрочем, всяческие в мое время были, – улыбнулась Антонида Петровна. – Что ты, Мариша, девочку тревожишь, если, да если... Любит она, человек, сама видишь, прекрасный, ну и слава Богу. Поцелуй меня, прелесть моя, и беги за котлетками.

Когда Варя, опять просияв, исчезла, старуха-мать поднялась, аккуратно сложила работу еще красивыми руками, за-

жгла свет. Дочь сидела неподвижно, опять сторбясь...

Антонида Петровна сжала губы. Покачала головой.

– Тебе нездоровится, Мари, что ли? Вот уж сколько дней замечаю: сама не своя. Враг ты ребенку собственному? Скажите, жених дочернин разонравился. С чего бы? Радовались все, да и не понапрасну, и вдруг – нервы у мамыши. Роду, что ли, он не знатного? Так это, матушка, нам бросить пора. Какая теперь знать! Я и в прежнее время этим не кичилась. Твой барон, если с нашим родом сравнить, что он был такое? Я слова не сказала. А несчастлива ты с ним была, – это уж от человека. Мне он никогда не нравился. Да и тебе самой не очень. Так, сдурила. Сама потом и каялась.

– Мама, что вы... – слабо остановила ее Марья Константиновна. – Я и не думала этого о... Владимире Ивановиче. А вот... не стар ли?

– Ста-ар? Ты, право, не в себе, моя милая. Человеку сорока нет, а на вид много 30-34, – и стар! Да на них оглядываться на улице будут, такая парочка! Варюша статная, крепкая, вся в меня! Я моложе ее венчалась, а мне меньше двадцати двух никто не давал. Скажите, стар! Ты бредишь, душа моя!

Марья Константиновна попыталась еще что-то сказать, но старуха ее оборвала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.